

Комментарий

Точка зрения автора статьи может не совпадать с позицией редакции EurasiaNet.

НОВОСТИ / АНАЛИТИКА. Столетие революционных событий 1917 года создало для Кремля сложную дилемму. Режим Владимира Путина не может просто проигнорировать один из ключевых периодов российской истории, но ему, судя по всему, также не удастся найти политическому перевороту 1917 года подходящее место в предпочитаемом Кремлем историческом нарративе, в котором особый акцент делается на стабильности.

Как говорится, революции начинают политики, а заканчивают историки. Революции часто окутаны мифами, и историкам приходится удалять слои басен и лжи, чтобы добраться до фактов, которые порой развеивают давно закрепившиеся представления. Именно это произошло с Французской революцией: выдающийся французский историк XX века Франсуа Фюре поставил под сомнение революционные мифы в серии своих очень влиятельных книг, и любил заявлять, что «Французская революция» закончилась. Такая же участь постигла Американскую революцию. Понимание американского восстания против короля Георга III претерпело за последние 50 лет значительную трансформацию благодаря историку Бернарду Бейлину, который представил революцию как войну не только за самоуправление, но также и за то, кому достанется власть после обретения независимости.

Между тем в современной России в процессе интерпретации событий прошлого задают тон совсем не историки. Выработку «правильной» версии российской истории поручили политической и силовой элите.

Согласно сообщениям российских СМИ, путинский Кремль считает, что выбор формата празднования столетия событий 1917 года является вопросом национальной безопасности. В конце прошлого года сообщалось, что эксперты научного совета Совбеза России обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что властям необходимо проконтролировать процесс, т.к., по их мнению, внешние силы стремятся намеренно исказить изложение событий революционной эры и прочих важных периодов российской истории. По сообщениям, совет установил, что историческая память стала объектом «целенаправленных деструктивных действий со стороны иностранных государственных структур и международных организаций, реализующих геополитические интересы в русле проведения антироссийской политики».

Кроме революций 1917 года Совет безопасности РФ также определил ряд других исторических тем, которые могут быть искажены и нуждаются в защите. Список включает политику Российской империи и СССР в отношении проживавших на их территории национальных групп, роль Советского Союза в разгроме нацистской Германии, пакт Молотова-Риббентропа и реакцию советских властей на политические кризисы в ГДР, Венгрии, Чехословакии и прочих странах бывшего советского блока.

Весьма примечательным является то, что презентацию относительно последствий искажения истории для национальной безопасности готовил российский Генштаб. Столь же примечателен тот факт, что, выступая в конце января на заседании Юбилейного комитета по подготовке к празднованию 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции, консервативный политический комментатор Виталий Третьяков прямо заявил, что для национальных интересов России будет полезным, если при оценке социально-политических последствий событий 1917 года историков отодвинут в сторону. По его словам, было бы «неразумно и несправедливо» позволять историкам формировать отношение общества к революции. «В большинстве своём сегодня, как и всегда, историки, во-первых, идеологически ангажированы, ... а, во-вторых, не являются политическими мыслителями», – заявил он.

Какими бы ни были профессиональные недостатки историков, российские власти, по всей видимости, и сами пока не знают, как следует отметить столетие большевистского переворота, произошедшего в ноябре (октябре по старому календарю) 1917 года. Перед 90-летней годовщиной Кремль предпочел «легкий» на первый взгляд выход: в 2004 году было принято решение заменить отмечавшийся 7 ноября День революции новым придуманным национальным праздником, назначенным на 4 ноября – Днем народного единства, приуроченным к дате выдворения польских оккупационных войск из Москвы в 1612 году.

Данное решение совпало по времени с публикацией книги «Социософия революции» под авторством живущего в Германии российского литературоведа Игоря Смирнова. В своем труде Смирнов представил крайне расходящуюся с общепринятой интерпретацию событий периода царствования Лжедмитрия и Смутного времени, заявив, что тогда произошла первая в российской истории революция. Маловероятно, что книга Смирнова как-то повлияла на кремлевскую политику памяти, но установление после изгнания поляков автократии в виде воцарения правившей затем на протяжении 300 лет династии Романовых, очевидно, показалось хорошим поводом для праздника.

Однако новый праздник оказался весьма непопулярным, и Кремль, лишенный спокойствия цветными революциями в Грузии и Украине, сменил свой подход в явной попытке вызвать неприятие обществом подрывной революционной идеологии. 27 февраля 2007 года в государственной «Российской газете» была опубликована статья Александра Солженицына «Размышления над Февральской революцией». Для консервативного монархиста Солженицына февраль 1917 года был ничем иным, как губительной прелюдией к катастрофическим событиям октября. Поэтому в статье (изначально написанной в начале 1980-х годов) он недвусмысленно осудил весь период революции и выразил скорбь по поводу утраты «исторической Россией» стабильности, суверенитета и государственности.

Сейчас политические перевороты по всему миру, включая украинский Евромайдан, указывают на то, что призрак революции игнорировать не следует. В то же время, российским властям пока не удалось определиться с изложением событий, которое можно было бы представить

общественности. Отражением их растерянности является недавняя статья Сергея Миронова, союзника Путина в Государственной Думе.

В своей статье в «Независимой газете» под названием «Февраль – предвестник Октября» Миронов, по всей видимости, продемонстрировал растущую «нищету философии» Кремля. Его очерк являет собой несвязный набор противоречащих друг другу тезисов. Признавая положительные достижения Февральской революции, включая введение республиканской формы правления и признание политических прав, Миронов одновременно выразил сожаление по поводу падения царизма, утверждая, что Февральская революция привела к эрозии традиционных российских ценностей. В 1917 году «власть растеряла свою сакральность», – посетовал он. Далее он добавил, говоря о последовавшем после развала СССР хаосе, что «такое же разрушительное действие духовного и идейного кризиса мы видели в 90-е годы XX века».

Основным выводом Миронова по результатам анализа событий 1917 года является то, что России нужна сильная рука во главе государства. «Россия – это не та страна, которая может позволить себе иметь слабую власть, возглавляемую таким безвольным правителем, каким был Николай II», – написал он. – Благом является то, что в непростые нынешние времена во главе страны стоит столь сильная личность, как президент РФ Владимир Путин».

Но Миронов не учел очень важный факт: как показали события 1917 (и 1991), автократические режимы могут внешне казаться сильными, но быть хрупкими изнутри и рухнуть с поразительной легкостью. Автократии не способны создать скрепы, придающие общественному устройству прочность в периоды экономических и политических испытаний. «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три», – отметил с удивлением российский писатель Василий Розанов в 1917 году.

Диссонанс между образом величия Российской империи и ее бесславно стремительным крушением должен вызывать у сторонников новой формы автократии в России неудобные вопросы. История XX века показала, что автократии и авторитаризм могут быть более слабыми и ломкими чем прочие системы, позволяющие более широким слоям принимать участие в управлении государством.

Игорь Торбаков является старшим научным сотрудником университета Упсалы (Uppsala University) и Шведского института международных отношений (Swedish Institute of International Affairs) в Стокгольме.